

НОВЫЙ Журнал

THE
NEW REVIEW

Основатель М. ЦЕТЛИН

Тринадцатый год издания

Кн.
XXXVIII
1954

КЛЕВЕТА О ДОСТОЕВСКОМ

Биографы Достоевского всегда сгущали краски, когда говорили о детстве писателя и особенно об его отце, но с некоторых пор это сгущение красок дошло до такого предела, что приходится говорить о клевете. Эта клевета проникла в последние книги о Достоевском (как напр. в книгу французско-русского писателя Труайя) и в научные диссертации о Достоевском. Так в этом году в Сорбонне защищалась диссертация, в которой автор доказывал, что Достоевский так ненавидел своего отца, что хотел его смерти. Новейшие исследования о Достоевском стараются внушить мысль, что детство будущего писателя было исключительно тяжелое и несчастное из-за его отца, прототипа Федора Павловича Карамазова, и что Достоевский всю жизнь вспоминал с отвращением и свое детство и виновника этого несчастного детства — своего отца. Откуда взялась эта клевета, кто постарался так сгустить краски и так исказить детские годы Достоевского? Грустно писать об этом, но, помимо Фрейда, главной виновницей этой клеветы является его родная дочь, писательница Любовь Фед. Достоевская, которая ничего не могла знать о своем отце, не могла помнить его, так как ей было всего двенадцать лет, когда он умер. Все воспоминания ее — сплошная больная фантазия, которая вызывала возмущения в ее семье — в матери, жене Достоевского, Анне Григорьевне и в ее старшем брате, Михаиле Федоровиче Достоевском. Мне пришлось хорошо знать их и много беседовать с ними о самом Достоевском и об его больной дочери, о Любви Федоровне, и я имел возможность составить себе ясное представление и оценить по достоинству ее «воспоминания». Но ее сенсационная клевета, связанная с именем Достоевского («дочь Достоевского») произвела свое впечатление и пустила корни, которые очень трудно, но необходимо вырвать.

В действительности и детство писателя и образ отца его, какого-то «изверга», были совсем не такие, какие она внушила новейшим исследователям биографии Достоевского. Если

отделаться от импрессионизма Любови Достоевской и обратиться к другим более надежным свидетельствам и фактам мы увидим совершенно другую картину «несчастливого» детства Достоевского и совершенно другой образ его отца — жестокого «изверга».

Детство Достоевского было нелегким, но совсем не безрадостным и не несчастным. Биографы Достоевского постоянно говорят о нужде большой семьи московского лекаря больницы для бедных: в действительности Достоевские были не богаты, но вполне обеспечены и не позволяя себе никаких роскошеств и излишеств, никогда не нуждались в необходимом. Что касается до отца Достоевского, то этот странный и мало счастливый человек обладал трудным, тяжелым характером: строгий и требовательный к себе, он был еще строже и требовательнее к другим, доходя почти до деспотизма; постоянно угрюмый, нервный, подозрительный и мнительный (и как он страдал от своей мнительности!), часто ревнивый и вспыльчивый, он заставлял часто страдать и жену и детей. Но отец Достоевский был в то же время добрым, прекрасным семьянином и в высшей степени гуманным, просвещенным человеком. Он до безумия и до патологической ревности любил свою жену: смерть ее на него так подействовала, что он бросил службу, поселился в своей деревне (какой же нищий, если у него была *деревня*), стал пить, опустился, из экономного и расчетливого стал мелочным и скупым, из гуманного жестоким, таким жестоким, что крестьяне его убили, вообще производил впечатление помешанного (этот Достоевский-отец и заслоняет в глазах биографов его сына прежнего Достоевского).

Отец Достоевского любил своих детей и умел их воспитывать; своим восторженным идеализмом и стремлением к прекрасному писатель Достоевский больше всего обязан своему отцу и домашнему воспитанию. Впоследствии его старший брат, тоже юноша, Михаил писал отцу (значит знал, что тот поймет его!): «Пусть у меня всё возьмут, всё, и разденут догола, но пусть мне дадут Шиллера, и я забуду всё на свете!» Эти слова мог бы повторить и брат его Федор, и ими можно охарактеризовать семью, из которой вышел писатель. Отец странный человек, с маниакальными наклонностями, был так «жесток», что в тот век, когда главным средством воспитания были розги, не только никогда не применял к детям телесного наказания, но не ставил их на колени в угол и, при своих ограниченных средствах, не отдавал своих детей в казенную

гимназию только потому, что там детей пороли... Необщительный и не доверявший людям, он отрезал и свою семью от всякого общения с внешним миром и от всякого рассеяния.

Что же? Значит у бедного Федора было бедное беспросветное детство, без друзей, сверстников, без игр? Нет, не безрадостное, потому что жизнь семьи была *полная*, с нежной, любящей и любимой матерью, с любящими нянями, рассказывавшими интересные сказки, с другом — самым большим другом — братом; была *детская* — шесть братьев и сестер — с богатым детским миром. Может быть родители слишком заботились о развитии духовной жизни, слишком жили духовными интересами и пренебрегали внедрением практических начал жизни? Может быть..., но следует ли об этом жалеть?... Возможно, что в полемическом пылу я прикрашено рисую обстановку детства Достоевского. Возможно, но... гораздо важнее не то, какую фактически была обстановка жизни Достоевского, а как она воспринималась и запомнилась им на всю жизнь.

Вдова Достоевского говорила, что ее муж любил вспоминать о своем «счастливом и безмятежном детстве», и действительно все его воспоминания говорят не только о «счастливом», но и о хорошем детстве, воспитавшем в нем человека-писателя. Вот как вспоминает впоследствии Достоевский в разговорах с братом о своих родителях: «Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые, и в настоящую минуту они были бы передовыми! А уж такими семьянинами, такими отцами нам с тобой не быть, брат!»

«Я происходил из семейства русского и благочестивого, писал Достоевский. С тех пор, как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории Карамзина, которого вслух по вечерам читал нам отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным».

Отец по вечерам читал вслух Карамзина и заставлял и детей читать не только Карамзина, но и Жуковского, и совсем еще молодого поэта — Пушкина. И если Достоевский в *16 лет* пережил смерть Пушкина как великое русское горе, то кому он этим обязан, как не своей семье, рано привившей ему любовь к литературе!

Как ни важно, что Достоевский на всю жизнь сохранил

хорошую память о своем детстве, еще важнее, что эта память дала ему большой творческий материал. Как не увидеть в рассказе старца Зосимы о своем детстве отголосок воспоминаний самого Достоевского: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценней воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе только чуть-чуть любовь и мир. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное. К воспоминаниям домашним причитаю и воспоминания о священной истории, которую в доме родительском, хотя и ребенком, я очень любопытно знал. Была у меня тогда книга, священная история с картинками, под названием: «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь на полке лежит, как драгоценную память сохраняю». Эта черта подлинно автобиографическая: Достоевский действительно учился читать по этой книге, и когда в 1870 году нашел у букиниста точно такую же книгу, очень обрадовался и сохранял ее как реликвию. Этот говорящий отрывок из «Братьев Карамазовых» так автобиографичен, что невольно хочется продолжать цитату: «Но и до того еще как читать научился, помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет отроду. Повела меня матушка одного (не помню где тогда был брат) в храм Господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу снова как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в купол, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь Божию лучики, восходя к нам волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз отроду принял я тогда в душу семя Слова Божия осмысленно. Вышел на средину храма отрок с большой книгой, такой большой, показалось мне тогда, с трудом даже и нес ее, и возложил на нагой, отверз уста и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз почти понял, что в храме Божиим читают...»

«Братья Карамазовы», последний роман Достоевского, кончается речью Алеши у камня после похорон Илюшечки, обращенною к его товарищам-школьникам (детей Достоевский писал всегда с особенною нежною любовью). Он дает им такое наставление: «Знайте же, что ничего нет выше, силь-

нее и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание и особенно вынесенное еще из жизни, из родительского дома. Вам много говорили про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собой в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если только одно хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то может послужить когда-нибудь нам во спасение».

Достоевский вынес много хороших воспоминаний из детства, но одно следует отметить, которое приобрело для него значение символа веры в русский народ.

Когда Достоевскому было 10 лет (в 1831 году), его родители приобрели имение, и с тех пор дети с матерью проводили летние месяцы в деревне. Достоевский видел жизнь простого, трудового русского крестьянина. Как-то в августовский день мальчик блуждал в лесу, и вдруг он услышал (или ему послышался) страшный крик: «волк». Мальчик со всех ног бросился бежать из лесу и оказался на поляне, где мужик Марей пахал землю. Достоевский бросился к нему и схватил его за руку, дрожа всем телом и повторяя всё одно и то же: «Волк! Волк!» Большой рыжий мужик стал ласкать его и успокаивать: «Что ты? Какой волк? Померещилось... Окстись. Христос с тобой! Уж я тебя волку не выдам!» и своими закорuzлыми пальцами в земле Марей перекрестил дрожащего мальчика.

Это воспоминание сохранилось на всю жизнь в Достоевском. «Уж я тебя волку не выдам», — он всегда верит, что простой русский народ, с которым родители Достоевского старались сблизить своих детей, а не отделять от него (иначе такая оценка была бы невысказанной), не «выдаст его волку», защитит и не обманет его веры в Россию.

Это громадное впечатление от встречи с русским народом относится к той поре, когда Достоевский был совсем еще ребенком и жил в своей семье. Родители рано начали обучать его и с ним, как и другими детьми занималась мать и диакон, затем он с другом-братом Михаилом был отвезен в полупансион к некоему Дракусову, но продолжал жить в семье, которая заботилась о его воспитании и продолжала заботиться и тогда, когда отдали (в 1834 г.) тринадцатилетнего мальчика в пансион Чермака и тогда Достоевский со своим братом Ми-

хаилом проводили каждую субботу и воскресенье дома, да и в самом пансионе он продолжал жить теми же интересами, которые в нем воспитали его родители. Он много читал (между прочим перечел Жорж Занд, В. Гюго, Диккенса), но не сблизился с товарищами и дружил только со своим верным другом-братом. Последний год пребывания в пансионе был трудным для юноши Достоевского: 29 января 1837 года умер Пушкин, 27 февраля он лишился своей любящей и самоотверженной матери. Достоевский узнал о смерти Пушкина через месяц после смерти матери, когда уже носил траур по ней. Казалось бы, это громадное горе должно было сделать его нечувствительным ко всем горестям, но он сквозь это горе пережил так остро большое национальное и личное для него горе (хоть он ни разу и не видел поэта) — смерть Пушкина, что говорил брату, что если бы он не носил уже траура по матери, то он попросил бы у отца разрешения носить траур по Пушкину и, конечно, «изверг»-отец, прививший такую любовь своим детям к литературе, дал бы ему это разрешение.

В 1837 году для шестнадцатилетнего Достоевского началась другая жизнь. Семья Достоевского была разрушена (в буквальном смысле слова разрушена), но Достоевский не оставался на развалинах семьи: отец отдал его в высшее инженерное училище (брата из-за болезни пришлось перевести в Ревель). Юный Достоевский вдруг остался один, совершенно один, без всякой поддержки и опоры в мрачном Михайловском замке. Впервые Достоевский остался один лицом к лицу с враждебным ему внешним миром. Этот внешний мир глубоко разочаровал Достоевского (его сверстники жили совершенно другими интересами). Достоевский старался уйти — в мир Пушкина, Шиллера и Корнеля, но скучал по своему друге-брате и беспокоился о своем отце, ставшем полусумасшедшим. «Мне жаль безумно отца, — писал он своему брату, — странный характер. Ах, сколько несчастий пережил он. Горько до слез, что нечем его утешить». Это письмо более всего говорит о том, что никакой мысли *refoulée* об отцеубийстве не было в Достоевском, и это окончательно разрушает ту клевету, которая в настоящее время всё больше и больше распространяется в нашей литературе.

М. Л. Гофман